

Павел Васильевич
Коптяев

Мы живы

Павел Васильевич Коптяев

МЫ ЖИВЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70796728

ISBN 9785006410428

Аннотация

Воспоминания мальчика, родившегося в Ленинграде в самой середине чудесной эпохи, оттепели. О счастливом детстве, светлой юности и прекрасной молодости. О предках, родителях и родственниках. И немного о войне и блокаде.

Содержание

КОРНИ	6
ВОЙНА	35
РОДИТЕЛИ	42
А ВОТ И Я	55
ДЕТСКИЙ САД	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мы живы

Павел Васильевич Коптяев

© Павел Васильевич Коптяев, 2024

ISBN 978-5-0064-1042-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не мог успокоиться, пока не написал эти строки. И все время думал: «Зачем?». Кому нужен этот рассказ о моем детстве и юности? Мне, чтобы ничего не перепутать, когда придет склероз? Нет, я помню гораздо больше деталей, запахов, звуков. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу все как тогда. И вижу всех. Всех, кто стал частью меня. Всех, кто любил меня. Хотя по малости лет этого не очень-то ценишь.

Просто после смерти матери, которая была последней в нашем роду из военного поколения, ушел в никуда огромный пласт тех мелочей, из которых состоит история и нашей страны, и нашего рода. И чтобы последние отголоски памяти не пропали вместе со мной, я стал писать эти строки.

Чтобы были живы все, кого я знал. Живы, молоды и веселы, как в моем детстве.

«Мы живы лишь в тех, кто когда-то был нами встре-

чен...»¹

¹ М. Трегер «Песенка пожилого Карлсона».

КОРНИ

Когда-нибудь, когда у меня будет масса свободного времени, я засяду в государственных архивах и буду копать в дореволюционных церковных книгах. И тогда я узнаю все до своего седьмого колена. Или еще дальше. А пока самые дальние наши предки, память о которых сохранилась – это дед и бабушка матери: Потаповы Мариньяна Никифоровна и Василий. Неизвестны ни девичья фамилия прабабки, ни даже отчество прадеда, ни место их рождения.

Жили они в Петербурге задолго до революции. Мариньяна родилась в 1865 году. Работала в «Сиротском институте» ведомства императрицы Марии Федоровны, то есть в детском доме, на Куракиной даче то ли кормилицей, то ли экономкой, то ли при кухне. Возможно, что не в сиротском институте, а в младшем отделении института благородных девиц, которое тоже было на Куракиной даче. В любом случае заработанных денег хватило на то, чтобы построить собственный дом, простоявший до войны. Да и прадед наверняка зарабатывал неплохо – он был мастером на Обуховском заводе, ставил то ли первые мартеновские печи, то ли первый прокатный стан.

Дом их стоял на Леснозаводской улице, между улицей Бабушкина и Шлиссельбургским трактом, был или крайним, или вторым по левой стороне от улицы Бабушкина.

Потапова Мариньяна Никифоровна

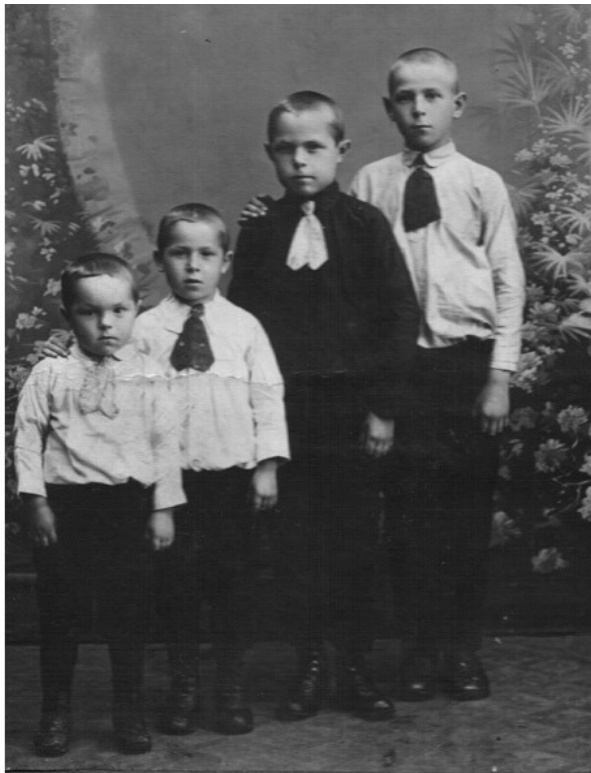

Потаповы Василий и Мариньяна Никифорова

Умерла Мариньяна в 1932 году, то есть когда моей матери было 4 года. Ее могилу на Преображенском кладбище удалось сохранить. А вот могилу прадеда, который был похоронен рядом, мы потеряли.

Дочь Потаповых – моя бабка Ирина Васильевна стала матерью моей мамы. Еще у них была дочь Дарья Васильевна, по мужу носившая фамилию Овчинникова. У нее были 4 сына – двоюродные братья моей мамы. Один из них, Николай, был летчиком, а до войны это было как космонавт, и жил в Ростове-на-Дону. Кто-то из братьев после войны занимал довольно высокий пост, вроде как в министерстве угольной промышленности, и, приехав в Ленинград, зашел проведать свою тетю Ирину Васильевну. Когда он узнал, что после разборки их дома в 1942 году жить им негде, помог. Только так они и получили жилье.

А теперь все связи потеряны. И из памяти вырван целый пласт. Осталась одна зацепка – могилы Овчинниковых на Преображенском кладбище рядом с тетей Ларисой.

*Овчинниковы Василий, Николай, Константин, Леонид.
На обороте надпись «На добрую память дорогой бабушке
Марьяне 1916 год»*

Николай Овчинников. Фото сделано 19.10.1926

Еще одна ветвь родни, правда, совершенно непонятно каким боком, со стороны Потаповых – это Шнитина Дарья Титовна. Ее я еще застал, хотя совершенно не помню. А Миша запомнил, как она с ним нянчилась. Ее муж Федор до революции был купцом, владельцем магазина у церкви «Кулич

и пасха» и водил знакомство с Шаляпиным. Там же и жили, в Церковном переулке.

Шнитины

Моя бабушка, Ирина Васильевна Потапова родилась в 1897 году и стала Шелягиной, когда вышла замуж за Петра Ивановича Шелягина. Его привела в Питер Первая мировая война – он был беженцем. Родом он был из Ковно, теперь это Каунас. Город был основан старообрядцами, в 1897 году в нем жили 34% евреев, 25% русских, 22% поляков, 6% литовцев, 4% немцев. Кто был дед – угадать несложно. Город считался военной крепостью и был скорее Белоруссией, чем Литвой. Не знаю, есть ли генетическая память, но в Белоруссии я чувствую себя как дома. Не иначе, именно от этого и шляхетской «гонорности» в нас просто навалом.

Где-то среди этих детей Ирина Васильевна Шелягина. Похоже, это школьницы со своей классной дамой. Не гимназия, и не сельская школа. Рабочие картузы и городские платья.

Ирина Васильевна Шелягина

Фото сделано в «Фотографии А. А. Субортьской: Невская застава, прос. Села Александровского и Леснозаводской деревни»

Родился дед Петр в 1883 году. То есть к началу Первой мировой ему было почти тридцать лет. И почему он не был к этому времени женат, по тем временам это тем более странно, – загадка. Тем более такой красавчик. Был он старше бабушки на 16 лет. Ей в 1915 году, когда немцы оккупировали Ковно, было 18. И у нее был дом. Так что деду повезло, и без определенного расчета с его стороны не обошлось.

Работал он кассиром в трамвайном парке им. Коняшина, потом на Бадаевских складах. То есть был интеллигенцией, а по тем временам – финансовым воротилой. Любил кутнуть, но и семью не забывал – однажды пришел домой совершенно пьяный, но торт донес. Правда, тот был перевернут вверх ногами. Ничего, съели.

А еще у деда была любовница. Рыжая! Актриса!! Из Музкомедии, по старорежимному – из оперетки!!! И он на ее спектакли водил жену – мою бабушку. Каков шельмец!

От Шелягиных с довоенных времен сохранилась швейная машина «Зингер». Она пережила войну, хоть и была закопана на огороде как основная семейная ценность, но перед смертью мамы она рассыпалась совсем.

Было у Шелягиных три дочки. В 1922 году родилась тетя Лариса, деду было 39 лет, в 1926 – тетя Клава, 25 августа 1928 года – мама. Деду было уже 45 лет.

После двух дочек деду, естественно, хотелось сына. Поэтому он пригрозил жене, что если она опять родит дочку, он ее ТАК назовет, что... и назвал Амалией. Что его так потянуло на довольно редкое немецкое имя – загадка. А может, он так назвал дочку в честь какой-нибудь своей пассии? Поп отказывался крестить маму из-за неправославного имени, но выставленная на стол бутылка водки и энная сумма денег решили вопрос положительно. Подобные проблемы пришлось решать и мне при отпевании мамы, но уже без водки.

Из рассказов о мамином детстве помню, какой большой ей казалась Леснозаводская улица. Как на масленицу приезжали немцы из Веселого поселка, Новой Саратовки и Обухово, привозили сметану и масло. Как один мальчишка с их улицы катался на коньках, прицепился к машине специальным крюком (была же мода на такие развлечения!) и разбился. Как она с приятелями радовалась, когда сгорела их школа. Как семья воров, живших на Леснозаводской, забра-

лась ночью в продуктовый магазин в доме на углу Шелгунова и Обуховской Обороны, тут же на месте напилась водки и начала швырять друг в друга продовольственными товарами – тут-то их и взяла милиция.

Умер дед в 1935 году, в 48 лет. Похоронен он на Преображенском кладбище рядом с прабабкой Мариньяной и тетей Клавой. И к их могилам уже никто кроме меня и не ходит. Как вспоминала мама, дед любил дубы, видимо он скучал по белорусским лесам. Поэтому когда на его могиле ни с того, ни с сего вдруг вырос дуб, я нисколько не удивился.

Вторая слева – мама

Со смертью деда семья обеднела. Ирина Васильевна осталась вдовой с тремя детьми, старшей из которых было 13 лет. Хорошо, когда была картошка с постным маслом, а иногда дело доходило до супа «с молитвой». Сдавали комнаты дачникам. Из города на Куракину дачу летом ездили на дачу! Мама рассказывала, что жил у них мальчишка, которому родители привозили всякие вкусности и даже консервированные персики (вот такие были деликатесы), но он предпочи-

тал ее общество и с удовольствием ел с ними ту же картошку.

Когда тетя Лариса вышла замуж, стало легче. В период сватовства к ней дядя Коли Киреева он всегда приносил «сестрам» конфеты или что-нибудь вроде того. Поэтому мама с тетей Клавой всегда с нетерпением его ждали и допытывали тетю Ларису вопросами «Когда придет жених?». А потом была блокада, которую бабушка с тетей Клавой и мамой провела в Питере. От начала до конца.

В 1942 году дом разобрали на дрова, выплатив смешную денежную компенсацию. Дом разобрали, наверное, потому что она была просто вдовой – на Куракиной даче и в округе осталось множество деревянных домов, которые стояли еще во времена моего детства. После этого Шелягины жили в гостинице «Октябрьская», пока, наконец, не получили комнату на Госпитальной улице, а потом на Гончарной, где позже жила тетя Клава. Умерла Ирина Васильевна в 1949 году, в 52 года. Лежит она тоже на Преображенском кладбище.

Предков по отцовской линии я знаю только до деда и бабки. Дед Коптяев Василий Павлович родился 15 августа 1875 года. Был он родом из дальнего конца Вологодской области – Тотьмы. «Мещанин города Тотьмы», древнего русского города, известного с домонгольских времен. Города солеваров, больших красивых церквей и мореходов. Чуть ли не самых главных в исследовании и освоении Аляски и Калифорнии. То-то и Мишу, и меня всегда притягивала информация о русской Америке. Руки у деда были, судя по всему,

золотые. Я помню мебель, которую он сделал сам. Все надежно, аккуратно, покрыто морилкой. Ножки, гнутые из массива дерева – это очень даже не просто. Уметь надо. Столик, сделанный им, дожил у нас на кухне до 1990-х годов. А починенные им отцовские лыжи до сих пор хранятся в нашем доме. Эти лыжи дед подарил отцу за хорошую учебу в школе. По тем временам это была достаточно дорогая вещь. И почти сразу отец их сломал – вот это было горе. Но ничего, дело оказалось поправимо при помощи аккуратной медной заплатки.

В Первую мировую дед был отравлен газами. Из-за войны разорился, переехал в Петроград и поступил на Обуховский завод 1 ноября 1915 года. Сначала разнорабочим. К этому времени он был вдовцом – его первая жена умерла от туберкулеза. Поэтому когда дед читал стихи Надсона, книга которого у нас сохранилась, и который умер от чахотки в 24 года, дед плакал. Женился он на бабке 22 января 1917 года, накануне февральской революции, и получил пособие «на бракосочетание» – 7 рублей. Потом дед работал машинистом. Точнее – крановщиком на заводском полигоне, на котором испытывали пушки. Так что по тем временам он был очень квалифицированным специалистом. Тетя Вера рассказывала, как носила ему на паровой кран обед. Похоже, моя страсть к подъемным кранам неспроста – гены шевелятся.

Коптяев Василий Павлович

В центре – дед.

А еще дед играл на гитаре и устраивал этикие музыкаль-

ные вечеринки с местным попом.

До XXI века дожило у нас в доме дедово пальто – вылитое «чеховское». Демисезонное, на вате, из великолепной «чертовой кожи», с бархатным воротником и ярлыком «Торговый дом Рубашкина. Петроград». Мне оно было как раз по размеру. То есть дед для своего времени был достаточно высоким мужчиной. Когда я надевал это пальто, тетя Катя всегда говорила, что я «вылитый дед». Особенно когда я отпустил усы.

Бабка моя, Коптяева Татьяна Фроловна, в девичестве Фролова, родилась 25 января 1888 года в Тверской области, в деревне Кашуево или НовоКашуево Кувшиновского района. Она единственная, кого я застал из своих дореволюционных предков. В «Выписи о рождении» отца бабка значится домохозяйкой. В ее семье было 4 ребенка. Еще в моем детстве оставались какие-то связи с нашей тверской родней – Миша еще помнил, как он ездил летом в эту деревню и как ему принесли из леса полное решето ягод.

Приехала бабка в Петербург бедной сиротой и поступила в прислуги. Этот ее жизненный опыт еще даст о себе знать, особенно маме – иногда она вела себя с теми, кто был «рангом пониже» как барыня с прислугой. А за властный характер мама называла ее «Вассой Железновой». Но дед с ней как-то справлялся.

Бабушка Татьяна Фроловна и я

Разница в возрасте у деда с бабушкой была 13 лет. И женился он поздно, в 42 года. Похоже, это наша родовая планида.

У деда с бабушкой было четверо детей. В ноябре 1917 года у них родилась тетя Катя, в замужестве она стала Копылова. Деду было 42 года! Вот уж кому-кому, а ему-то точно было не до революции.

В сентябре 1920 года родилась тетя Вера, по мужу она стала Федорова.

6 мая 1925 года родился отец.

А в ноябре 1928 – дядя Витя. Деду было 53 года!

Жили они по адресу: Обуховская ветка (сейчас – Запорожская ул.), д. 67, кв. 3. Это примерно там, где сейчас автозаправочная станция. Скорее всего, жили они в типовом двухэтажном деревянном доме на 4 квартиры. Таким же, как на фотографии колонии «Власьевка» в фотоальбоме «Завод «Большевик». Дома эти за коричневый цвет прозвали «шоколадными домиками». Я еще застал их – они простояли до конца семидесятых годов на углу Бабушкина и Грибакиных, вдоль забора завода «Звезда», пережив все другие деревянные дома и на Обуховской Обороне, и на Куракиной даче. У каждого дома были сараи. В нем дед с бабушкой держали козу. Она была маленькая – дети таскали ее на руках, как кошку, но молока давала много. Она – одно из тех чудес, которые помогли выжить во время блокады, и благодаря ко-

торым мы есть на этом свете. Отец часто вспоминал эту козу и называл ее по имени. А я не запомнил. И спросить теперь уже не у кого.

Отец с братом и сестрами ходили в «деточаг» – так тогда называли детский сад. Он был в одном из двухэтажных домиков возле здания общины «чуриковцев». Сама община хоть и неофициально, но еще существовала.

Потом отец ходил в школу в Прогонном переулке. Ее красное здание стоит и сейчас. А до революции это был один из домов колонии и училища глухонемых. Их еще много оставалось в этом районе и много работало на Обуховском заводе – в советское время на заводе даже существовала должность переводчика. Отец дружил в детстве с глухонемыми и легко находил с ними общий язык. Это качество передалось и мне.

Это класс школы в Прогонном переулке. Ребята 1925 года рождения. Почти никто из них не вернулся с войны. Отец второй справа во втором ряду.

Запорожская, Обухово, Прогонный, старое Рыбацкое на-поминали отцу детство. Дома с огородами, цветники, магази-ны в деревянных домах в Обухово, старый мост через же-лезнодорожные пути с деревянным настилом, который шел прямо от дореволюционного здания станции с багажным от-делением – все это оставалось до 1980-х годов. Отец любил бывать здесь, и был очень доволен, когда мы переехали сю-да, в Мурзинку. И дорога в Обухово на первую электричку, за грибами, была для него сентиментальной прогулкой. Как сейчас для меня.

А еще отец (да и не только он, но, наверно, все дети окру-

ги) гордился танками Т-26 и Т-28, которые делали на Обуховском заводе, тогда он назывался «Большевик». И мечтал стать летчиком, как тогда все мальчишки. Пел песни времен революции и гражданской войны: «Каховку», «Полюшко-поле», «Там, вдали за рекой». Следил за войной в Испании, вокруг которой был ореол романтики.

А потом была финская война. Она тоже шла как будто где-то далеко. Но оказалась тяжелой, очень бестолковой. Еще при мне очень тихо обсуждали, как матросов посылали в бой в сорокаградусный мороз в ботинках и как целыми эшелонами везли обмороженных и раненых.

Сталинские времена сформировали привычку обсуждать скользкие политические темы очень тихо и только среди своих. А еще лучше вообще не обсуждать. Дядя Коля Киреев на всех вечеринках с сослуживцами выпивал пару рюмок и быстро сматывался, чтобы ничего антисоветского не ляпнуть или с кем-нибудь не поцапаться, чтобы не донесли. Языки развязались только в хрущевскую эпоху, и то – мама пугалась, когда отец, у памятника Володарскому, начинал обсуждать его соплеменников-троцкистов и их дальнейшую судьбу. Предвоенные законы, когда сажали в лагеря за прогулы и опоздания, приучила родителей к жесткой дисциплине, паническому страху опоздать на работу.

Отец был небольшого роста, довольно щуплый, и в детстве его часто обижали местные гопники. Но после того как тетя Вера макнула главного обидчика головой в канаву –

проблем уже не было. Зато ум у отца был гораздо выше среднего. Он хорошо учился, был очень аккуратным и настырным. Надеждой деда и любимчиком бабки. И он стал первым в нашем роду, кто поступил в техникум. В механический (по сути – военно-механический) на специальность «техник производства артиллерийских систем». В те времена это было не просто и для него, и для деда с бабкой – дорогим удовольствием было образование. Дед инвалид, а бабка – домохозяйка, дяде Вите еще 13 лет, а тетя Катя и тетя Вера – невесты. Отец стал первым во всей нашей родне, кто поднялся выше пролетарского уровня. И вообще одним из немногих. Вот еще только дядя Витя уже после войны поступил в военное училище.

Отец поступил в техникум в 1941 году. Ему было 16 лет. Маме в июне 1941 года было 12 лет.

Тетя Лариса с сыном и мама. 1941 год

ВОЙНА

Война начиналась страшно. Мама вспоминала, как было горько, когда в том тяжелом 1941 году в сводках перечисляли сданные города. Двоюродный брат отца, дядя Миша Дедусь, на все заявления типа «ну мы им дали», говорил: «А как они нам в сорок первом дали». И плакал. «Как вспомню, как они нас...». Он попал в плен в начале войны. С тыла, из леса, на их гаубичную батарею вышли немцы, и «хенде хох».

Уже 8 июля немцы взяли Псков, но в начале августа их остановили под Лугой, и казалось, что война остановится далеко от города. Тетя Вера была отправлена на окопы: они рыли противотанковые рвы, а немцы сбрасывали на них листовки «Дамочки, не ройте ямочки, придут наши таночки...». Потом началось отступление, они шли пешком в город вместе с беженцами. Среди них был какой-то детский дом, который вела одна воспитательница. Они не ели уже несколько дней, и тетя Вера отдала им свой хлеб.

В начале сентября немцы вдруг оказались на окраине города, и никто еще не знал, что город в блокаде. Отец вспоминал, что когда он вышел из кинотеатра, где смотрел комедию «Антон Иванович сердится», услышав взрывы, удивился, что город бомбят, а воздушную тревогу не объявили. Это был один из первых артобстрелов. Отец рассказы-

вал, что первые снаряды, еще до официально зарегистрированного обстрела, упали на углу улицы Бабушкина и Обуховской Обороны, убив инвалида финской войны – немцы метили по военному Обуховскому заводу. Потом его обстреливали всю блокаду.

Началась блокада. И маме и папе повезло – они жили в домах с печкой, с огородом, на котором росла картошка. Они жили рядом с Невой, так что было недалеко ходить за водой, когда замерз водопровод. А еще у папы была коза. Осенью пришли военные – командир с двумя красноармейцами и орденом на реквизицию козы – на мясо. Командир посмотрел на эту карликовую козу, на папину семью, посидел, покурил. И ушел, так и не забрав козу.

В ноябре начался настоящий голод. И пришла эта страшная первая блокадная зима. 125 граммов хлеба пополам со всякими эрзацами в день. И его еще надо было получить, выстояв огромную очередь. Хорошо, если он был, и его хватало на всех. Съели собак, кошек, голубей, крыс. Мама вспоминала, что от голода пропадали все мысли и желания, нападало какое-то оцепенение, не нужно было ничего, только еда и набрать паркетин из разбомбленного дома – они долго и хорошо горели.

Да еще рано ударили морозы – под 40 градусов и держались всю зиму. Выпало много снега, он лежал гигантскими сугробами вокруг протоптанных тропинок и в полной темноте казался очень белым. А вдоль тропинок лежали тру-

пы. Тетя Вера вспоминала, как ходила по такой тропинке к Неве за водой, и каждый раз трупов становилось все больше. От некоторых было отрезано то мясо, которое еще оставалось – чаще всего ягодицы. Один раз она увидела парнишку, который упал, и смог подняться только с ее помощью. Это ему повезло – тот, кто падал от слабости, или, поскользнувшись, уже, как правило, не мог встать. Помогали встать и тете Вере, и маме. Однажды на дядю Витю, а ему тогда было 13 лет, получившего хлеб на всю семью, тут же у прилавка набросился какой-то огромный мужик, отобрал хлеб и стал его жрать. На этого мужика навалилась вся очередь, забила его и отобрала хлеб обратно.

Коптяев Василий Павлович. Фотография на пропуск Обуховского завода. Ноябрь 1941 г. На обороте фотографии надпись «Помни 13 января 1942 9 ч 15 мин». Это день его

смерти.

Дед умер 13 января 1942 года, в старый Новый год. До войны этот день в доме всегда отмечали как праздник – новый год по старому стилю. Деда смогли похоронить в отдельной могиле, на Преображенском кладбище. Чего это стоило в самый страшный голод, в промороженной сорокаградусным холодом земле – одному богу известно.

Потом семья начала разъезжаться. Тетю Катю и тетю Веру с дядей Витей отправили в эвакуацию, в Омск. В апреле 1942, уже по весеннему льду, поверх которого стояла вода, отца вместе с техникумом вывезли по Дороге жизни в город Юрга Кемеровской области.

Семья мамы так и осталась в Ленинграде всю блокаду. Тетя Клава работала маляром, красила танки. Бабушка Ирина Шелягина мыла танки, приходившие для ремонта на завод «Звезда». Отмывала грязь, копоть. И кровь. И мозги. И внутри и снаружи.

У мамы началась дистрофия. Она бы умерла, но случилось чудо – ее отправили в стационар, где лечили дистрофиков. Там кормили такой роскошью, как перловка с маслом.

1 июля 1943 года, когда еще не была снята блокада, мама пошла работать на Ижорский завод, рядом с которым проходила линия фронта, и который постоянно обстреливали. Работала она в бухгалтерии – «счетовод с начальным образованием». Ей было 14 лет.

В январе 1944 сняли блокаду. Был первый в Ленинграде салют, и мама не могла понять – почему вдруг такая стрельба, без налета или обстрела. И немцев стремительно погнали на запад. И была победа.

Каким чудом выжили наши родители? Не умерли от голода. Как умер сын тети Ларисы – тот карапуз на фотографии 1941 года, который лежит теперь где-то в братской могиле на Пискаревском кладбище. Не попали под обстрел. Не погибли на фронте, как один из наших родственников, отказавшийся от брони на военном заводе и ушедший в армию «чтобы поесть досыта», и сразу же погибший на Невском пятачке. Повезло, что отец поступил в Военмех и получил вдобавок к своему плоскостопию бронь, и не убили его где-нибудь на Днепре, как почти всех его одногодков. Как двоюродных братьев отца Дедусей. Было их четыре брата. Старший, летчик, летал на бомбардировщике СБ и погиб в начале 1942 года под Москвой. Второй был танкист и погиб в своем легком танке при прорыве блокады. Двое других прошли через плен. Я помню их мать – тетю Васеню. Помню, как эта седая старушка плакала, когда мы приходили к ней с отцом или дядей Витей. И как она все время спрашивала у них – помнят ли они братьев. И помню ее старую фотографию – красивой молодой женщины с модными тогда темными ореолами вокруг глаз, как у Веры Холодной.

Где погиб старший из братьев Дедусей, было неизвестно. В похоронке было написано просто – «не вернулся с боевого

задания». Отец долго писал запросы в архивы, потом, узнав номер полка, по военным мемуарам нашел – где в это время воевал этот авиаполк. Вот откуда у нас столько военно-исторической литературы.

Но была победа над Германией. А потом еще над Японией. И были немецкие пленные, строившие дома в Ленинграде. И виселица для военных преступников на площади Калинина. И мамина медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» с профилем Сталина и надписью «наше дело правое – мы победили».

И японские пленные тоже были – тетьа Вера работа с ними в Барнауле. У нее еще была и медаль «За победу над Японией».

Война многим напоминала о себе даже в моем осознанном возрасте. Рассказами родных, знакомых и незнакомых. И безногими инвалидами, катавшимися по Ивановской улице в своих тележках, отталкиваясь от земли руками.

РОДИТЕЛИ

Вот и кончилась война. Отцу было 20 лет, маме 16.

В 1945 папа закончил Юргинский механический техникум по специальности «техник-механик производства артиллерийских систем». С отличием! А мама работала в бухгалтерии Ижорского завода, куда ездила с Московского вокзала на пригородном поезде, еще с паровозом. И вспоминала добрым словом их начальника – он пришел с войны без руки и научился четко писать левой рукой, чтобы банк принимал документы. Коллектив в бухгалтерии был дружный и веселый – покупали вскладчину флакон духов и занимали друг у друга платья и шляпки, чтобы бегать на свидания.

Какими родители были тогда веселыми и счастливыми. Живы и молоды! А ведь сегодня даже трудно представить, как тяжело было сразу после войны. Мама, бабушка, тетя Лариса с дядей Колей и тетя Клава с дядей Женей Шибяевым жили в одной комнате в коммуналке на Гончарной улице, в дворе флигеле д. 23В.

Бухгалтерия Ижорского завода. Мама стоит, крайняя слева

Отец жил в общежитиях и все никак не мог вернуться в Ленинград – не отпускали. И остальных эвакуированных родственников тоже. Но он все-таки вернулся, и с октября 1947 начал работать конструктором ОГТ на заводе «Большевик». И собрал всю родню вместе – бабушку, Федоровых, Копыловых. Только дядя Витя, окончив военное училище, служил там, куда послали – на Украине. Сначала в Ярмолинцах, а потом в Прикарпатье, в Коломые.

Как только кончилась война, сразу пошло мое поколение.

Первой, в октябре 1945 родилась Нина Киреева. В августе 1946, еще в Омске, Коля Копылов, в октябре 1946, в Барнауле, Галя Федорова. И когда в детстве они начинали гнобить Мишу, родившегося в Ленинграде, он обзывал их «понаехавшими».

В 1947 отменили карточки, и можно было «купить хлеба сколько хочешь».

В том же году отец поступил уже в институт, тоже в Воентех, на вечернее отделение, чтобы стать инженером.

Отец. 8 сентября 1947 г.

Мама. 1947 г.

К маме, легкомысленной хохотушке, в это время подкаты-

валось множество женихов, хотя после войны мужиков осталось очень мало. Вспоминала мама очень хорошего кандидата – бывшего танкиста. Он горел в танке, и обожженное лицо делало его, мягко говоря, некрасивым. Вспоминала еще одного, но он был «жадный какой-то». То ли дело отец.

Познакомились они во время встречи нового, 1950 года, и начался роман. Как-то они ездили в Петергоф, отец потратил на нее все свои деньги, и уже она покупала ему папиросы. В итоге 8 июля 1950 в Смольнинском ЗАГСе состоялась свадьба.

5 апреля 1951 родился Миша. Мать не хотели принимать в роддоме, и только звонок знакомого дяди Коли Киреева, моего тезки, который работал в Смольном, навел порядок. Родился Миша восьмимесячным. Блокада не прошла бесследно. Обычно восьмимесячные дети не выживают, но Мишу вытянули. В детстве он постоянно болел. Сколько нервов все это стоило родителям – уже никогда не узнаем. Наконец нашелся врач, который сказал отцу, что Мишу нужно чем-то «отвлечь от болезней», и отец купил ему игрушку – автомобиль ЗИМ, с «дистанционным» по тем временам управлением. Сработало! И пропали Мишины болячки.

И сколько же сил было у наших родителей, чтобы работать, вечером учиться, жить в невероятной тесноте, и при этом еще справляться с бесконечными детскими болячками. И еще постоянно подписываться на облигации госзаймов «на восстановление народного хозяйства». Погашались они

очень долго, даже дожили до эпохи перестройки. Красивые были бумаги: с тракторами, паровозами, домнами.

В 1951 году родители получили две огромные комнаты в коммунальной квартире из трех комнат возле нынешней Ломоносовской, в переулке Матюшенко, д. 16 кв. 35. В двух комнатах жили отец с мамой и Мишей, бабушка, Копыловы с Колей и Федоровы с Галей. А в 1955 родилась еще Татьяна Федорова. И эти мелкие шкеты, стоило отцу отлучиться от своих учебных чертежей, начинали на них рисовать свои каракули.

В 1953 году отец проходил трехмесячные сборы офицеров запаса на Северном флоте. «Командир батареи главного калибра эскадренного миноносца «Солидный». Сколько себя помню, папа обязательно ходил на военно-морские парады. И больше всего любил эсминцы.

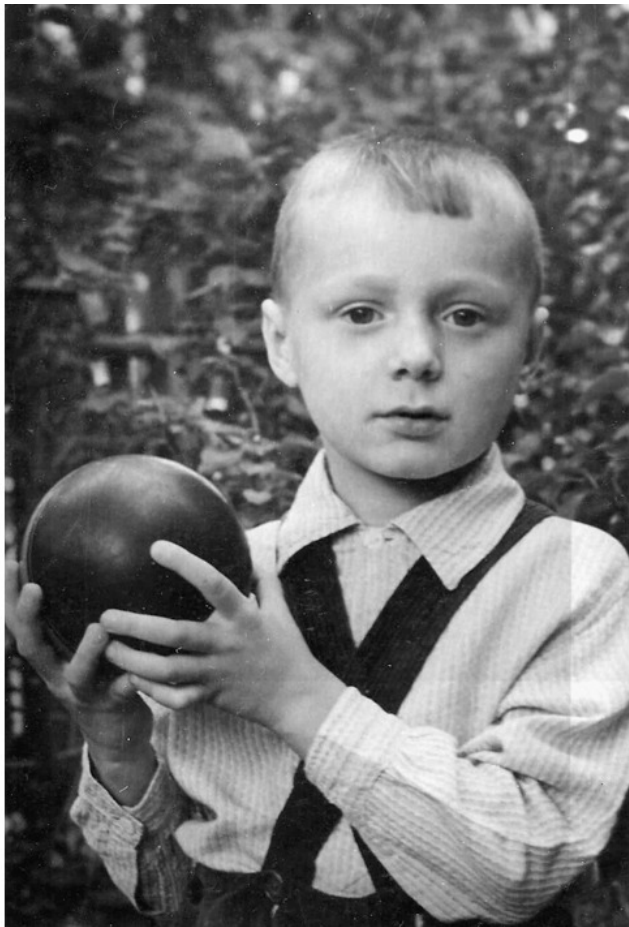
Отец в строю экипажа эсминца на митинге по поводу смерти Сталина

Сразу после этих сборов и сделана эта фотография

Миша в детском саду

Миша

В том же 1953 мама перешла работать на «Большевик»,

как тогда назывался Обуховский завод, кладовщицей 5 разряда. Высший разряд был 6-й. Ей пришлось еще доучиваться до среднего образования, наверстывая упущенную учебу во время войны. После работы, с маленьким ребенком, сидела на уроках и засыпала во время занятий. Но все-таки окончила вечернюю школу №139 в 1957 году. Одни тройки с одинокой четверкой по естествознанию. И то слава богу.

В 1957 году отец получил медаль «В память 250-летия Ленинграда». «Медалью награждаются граждане города, отличившиеся в проведении работ по восстановлению и реконструкции города и обеспечившие своим трудом развитие его промышленности, транспорта, городского хозяйства, торговли, научных и культурно-просветительных учреждений».

В марте 1958-го отец, наконец, закончил Военмех по специальности «0542». Жить стало легче. А в сентябре Миша пошел в школу №458.

Миша идет в первый класс. 1958 г. У 458-й школы с Колей и Галиной.

В 1959, за полгода до меня, родился мой двоюродный брат Василий Федоров.

Ну и последним в нашем поколении, в 1960 родился я. В том году Мише было уже 9 лет. Его к моему появлению на свет «подготовили», сообщив, что скоро у него появится брат, и вместе с ним можно будет играть. Реальность оказалась как всегда далека от обещаний, но через пару лет все они для Миши все-таки исполнились.

А ВОТ И Я

Я родился в субботу, 6 февраля 1960 года, в самой середине шепутной хрущевской эпохи, и в самом начале таких прекрасных шестидесятых. Был небольшой мороз и солнце. Этого я не помню, но знаю. Ученые вообще утверждают, что дети до 3 лет ничего не помнят. Не знаю, не знаю – у меня остались какие-то воспоминания из раннего детства.

Такие же смутные, как эта фотография

Вот чего точно не помню – как меня крестили в «Куличе и Пасхе». Отец был членом партии, но бабка и тетя Катя тайком утащили меня туда. Тетя Вера накормила меня, и это было большим бонусом – у мамы почти сразу после родов начался мастит, и как всякий «искусственник» я рос на эр-

зацах. А тут, после нормального питания, я уснул и проспал все религиозное таинство. Зато помню, как на первый новый год мне подарили металлический ночной горшок. Было так здорово громко стучать по нему крышкой, пока этот музыкальный инструмент у меня не отобрали.

И еще помню, как в радостном оживлении все бросились к окну – смотреть в ночное небо. И я тоже смотрел – это в космос полетел Гагарин. Понятно, что корабля не увидеть, но эта традиция сохранялась с еще одного недавнего триумфа – запуска первого спутника. Об этом многое напоминало в доме и стране – от названия бритв и сигарет, до кинотеатра «Спутник» напротив наших окон, моего ровесника.

«На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...»²

И еще радость – 1 мая 1960 года над Уралом сбили американский самолет-шпион Пауэрса. Ракетой, к созданию которой приложил руки и голову отец. И это оставило в памяти ощущение радости и гордости от победы.

Помню, как нас не пускали на улицу гулять, когда проводили испытания водородных бомб на Новой Земле, чтобы на голову радиация не сыпалась. Особенно после взрыва в октябре 1961 года «кузькиной матери».

И страх матери перед новой войной во время Карибского

² Н. Добронравов «Четырнадцать минут до старта».

кризиса в 1962 году. А отец говорил, что войны не будет – американцы сдрейфят, и был как всегда прав. Его должны были отправить на Кубу как специалиста по ракетам. Я и мама должны были ехать с ним, а Мишу хотели оставить дома, на что он очень обижался. Но не получилось. А то был бы я специалистом по мулаткам.

Единственное напоминание о несостоявшейся Кубе – эта открытка с припиской в углу «все будет, и пальмы тоже»

И совсем смутно помню, как меня моют на кухне, в тазу. Мне холодно, а в открытой духовке, как цветок, горит голу-

бое пламя. От него идет тепло, и я тянусь к огню.

И еще более смутные воспоминания о Шнитиных. Они жили в деревянном доме у проходной Обуховского завода и много нянчились с Мишей, которого им оставляла мама, уходя на работу. И со мной им тоже пришлось понянчиться. И вот я сижу на одеяле, расстеленном на полу со своим любимчиком – плюшевым зайцем, и постоянно пытаюсь уползти с этого одеяла в путешествие по неизведанным краям.

Ну надо же, каким я был маленьким

И наивным – жду, когда вылетит птичка. А сидим мы на огромной, старинного типа оттоманке.

Я с бабушкой и Мишей. Ну и Танюха Федорова влезла.

Опять я, Танюха, Миша, Коля Копылов, Галка и Василий Федоровы. И родительская металлическая кровать с сеткой-батутом и никелированными шарами.

Еще одним местом моего заключения была металлическая кроватка у нас дома. У нее были высокие спинки с решетками, одним боком она была прислонена к стенке, на которой висел коврик с семьей зайцев, убирающих урожай морковки, а с другой была натянута сетка высотой почти во весь мой рост. Хорошо помню, что все смотрят телевизор

и смеются. Похоже, показывали «Лимонадного Джо», а мне ничего не видно. Ой как обидно.

Очень хорошо помню, как тетя Клава с мамой куда-то меня собирают. Зима, они надевают на меня ненавистные валенки, которые мне совершенно не хочется надевать, а я показываю им на солнце, освещающее дома напротив, и утверждаю, что на улице солнце, поэтому нет мороза. Не убедил. Куда мы ехали, не знаю. Наверняка в гости. Или к тете Клаве, или к тете Ларисе. Эти путешествия вдохновляли меня на таскание с грохотом по комнате деревянного стула. Толкая его по кругу, я, таким образом, изображал троллейбус.

К моменту моего рождения Копыловы и Федоровы получили комнаты в коммуналках и разъехались. Остались в двух комнатах квартиры в переулке Матюшенко дом 16 квартира 35 только мы вчетвером и бабушка. А в третьей комнате соседи – семья Григорьевых.

На входе в квартиру была большая прихожая с небольшой кладовкой, направо – ванная, слева – коридорчик в кухню с дверью в туалет. Прямо, справа – дверь в наши комнаты, а слева – дверь в небольшую комнату Григорьевых. Они жили там впятером: дед – старовер и знахарь, тетя Валя и дядя Володя, новгородский партизан, их дети Юрка, ровесник Миши, и чуть помладше Татьяна.

Вот они – окна наших комнат на четвертом этаже.

И вот вид из наших окон. Церквуху снесут, а примерно на ее месте в 1970 построят метро.

Наши комнаты были огромные, но выстроены были буквой Г – первая комната была проходная, вытянутая вдоль входной двери, и в конце ее, направо, была дверь в следующую комнату. Дом был сталинский, теплый зимой и прохладный летом, с огромными окнами – чтобы открыть форточку, даже взрослому нужно было встать на стул. Окна выходили на восток, и если утро было ясным, по стенке бегали солнечные зайчики, которые я безуспешно ловил. Ну и где теперь моя наивность?

А за окнами был простор. Даже Неву видно. И салюты над крышами на 9 мая и 7 ноября. А еще помню высоченное, на 10 этажей пламя, когда на правом берегу горела бумажная фабрика имени Володарского.

Да и каждый день было чем полюбоваться, глядя в окно. Днем летали стрижи, а на асфальтовой площадке прямо под окнами мальчишки с грохотом играли в «попа» – странную игру, помесь городков с пятнашками, для начала пытаюсь железными битами сбить пружину от матраса. Вечером заходящее солнце окрашивало бежевые и коричневые стены домов в неопишимо красивые розово-оранжевые тона. А в темноте главное развлечение – наблюдение за вывеской кинотеатра «Спутник». Сначала голубым светом загоралась надпись. Потом земной шар. Потом из него вылетал спутник, и летел по орбите, оставляя за собой голубой след. Когда он скрывался в земле, вывеска гасла. А потом все начиналось сначала. Завораживало круче голливудских фильмов

А еще трамваи. До реконструкции Володарского моста они спускались с него по Ивановской, поворачивали на улицу Бабушкина, и перед «Спутником» сворачивали в переулок Матюшенко, где была трамвайная остановка. Потом мимо районной администрации выезжали на набережную Невы. На повороте трамваи разбрасывали из-под дуг фонтаны искр. Красота...

Тогда в нашем районе бегали все типы трамваев, кроме «американки». Начиная от резвых довоенных МС, послевоенных тяжелых и тихоходных «слонов»

MC-4

За эти ручки, подвешенные на ремнях, очень хотелось держаться, как взрослому.

И это удавалось, сидя у кого-нибудь на руках. Точно пом-

ню – было такое, сидел на дяде Жене Федорове.

«Слон» снаружи...

...и «слон» внутри.

и заканчивая стремительными оттепельными «стилягами». Я еще не знал, насколько судьба свяжет меня с ними, и как «стиляга» станет одним из символов моей юности.

«Стиляги» на кольце у трампарка им. Володарского

«Стиляга» внутри.

И отдельным бонусом были грузовые трамваи.

Самым таинственным объектом в поле зрения наших окон была церквушка на месте станции метро «Ломоносовская». Официально это когда-то была Свято-Духовская церковь Фарфоровского кладбища. Во время блокады там был морг, а потом цех по производству сковородок. К моменту моего сознательного возраста она была заброшена и полуразвалена. Как всякая живописная руина, она казалась таинственной и притягивала к себе, но гулять возле нее было как-то страшновато. А вот кидать обломки кирпича в ее затопленный подвал – ни капельки. На этих развалинах мальчишки играли то в рыцарей, то в мушкетеров, периодически что-то там поджигая. Тогда приезжали пожарные, и можно было любоваться в окно на красные пожарные машины и пожар-

ных в блестящих медных касках.

Ну разве можно не любоваться такими пожарными машинами?

Еще один объект наблюдения – помойка под нашими окнами. Не какая-то грязная чмонь, а деревянный павильон с крышей, выкрашенный зеленой масляной краской. Внутри него стояли круглые баки с крышками. Когда приезжал мусоровоз на базе ГАЗ-51, сзади у него откидывались на-

правляющие, по ним двое грузчиков с грохотом спускали пустые баки, с грохотом роняли их на землю, катили в павильон, и переворачивали. Потом опять же с грохотом роняли на бок полные баки, катили к машине, водружали на направляющие, и с помощью специального троса подтягивали баки к кабине.

Потом такие машины сменили ГАЗ-53 с гидравлическим манипулятором, и один водитель со всем справлялся.

Крупный мусор вроде деревяшек и прочей мебели мальчишки радостно жгли на костре рядом, на полупустыре-полусквере на месте бывшего кладбища. И мне иногда выпадало такое удовольствие.

Прямо под нашими окнами были кучи угля – в подвале была угольная котельная. В окно полуподвала было видно, как кочегары подкидывают уголек и шуруют в топке кочергой. В те дни, когда не давали отопление или горячую воду, раскрытые дверцы печей в темноте выглядели жутковато, словно крематорий концлагеря. Зато завоз угля – это просто

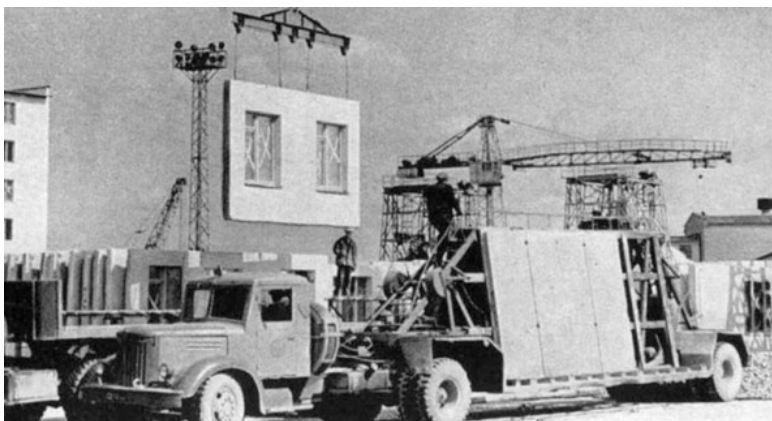
праздник. Приезжают самосвалы. У них поднимается кузов, уголь сыпется, водители хлопают задним бортом, чтобы высыпалось все, что прилипло, кузов опускается, самосвал уезжает. Красота.

Позже котельные прикрыли и стали прокладывать тепло-трассы. Какие только самосвалы не покрутились под нашими окнами. И «Шкоды», разгрузавшиеся вбок, «Татры», ЗИ-Лы с прикольными одноосными прицепами. И автокраны. За ними можно было наблюдать целый день.

А на улицах было не оторвать глаз от тяжелых панелевозов.

Тогда наш район активно застраивался, хрущевки собирали быстро, как дети дома из кубиков.

Панелевозы и переезжающие новоселы – точная примета эпохи. И настолько важная, что сам Хрущев в 1957 году приехал на домостроительный комбинат на Александровской Ферме и на стройку квартала возле Ивановского карьера.

«Н.С.Хрущев на строительстве в районе Щемилówki во время своего пребывания в Ленинграде, 1957 год».

А первый панельный дом был построен на улице Поляриков и виден из окна нашей кухни.

Ул. Поляриков 10. Первый в СССР крупнопанельный дом.

Кроме всех этих чудес техники не давали мне покоя уборочные автомобили, зимой сгребавшие снег с проезжей части и поливающие улицы в жару, летом подметающие мусор, даже из-под бордюра, своими щетками.

На такой поливалке на базе ЗИЛ130 работал Толя Веселов, муж Галины и отец Сереги, и нам с Василием Федоровым удалось на ней покататься.

Как-то купила мама нам с Мишей книжку-раскраску с такими коммунальными машинами. У него получилось все ровно и красиво, а у меня карандаш постоянно вылезал за контур, все машины получились жуть какими лохматыми. Что оставалось делать? Только обидеться на Мишу.

А во дворах шастали такие вот агрегаты на основе мотороллера. С прицепом, цистерной и еще черт знает чем. На этой тархтелке коммунальщики возили уголь, песок, лопаты с метлами, воду.

Ну а как вам такой снегоуборщик? Его лапы нагребали снег на транспортер, и он поднимал снег, сбрасывая его в кузов самосвала.

Такое обилие техники явно наложило отпечаток на мою личность. Купленный для меня диван сразу превратился в грузовик-трансформер. Боковые стенки, которые могли откидываться под разными углами, становились задним бортом или капотом, а прямоугольные, чуть скошенные подушки были идеальным сидением со спинкой. Оставалось наваливать груз в кузов и крутить баранку. И совершенно не смущало, что раскраска дивана – в желто-синие перчики.

И главное, что я помню из своего детства – это дружную компанию всей нашей родни. И как все собирались, если кому-то что-то нужно было сделать. Тот же диван тащили все

вместе из магазина в доме 94 на улице Седова. И я его тоже тащил вместе со всеми. И как делали ремонты друг у друга. И в этом я тоже принимал участие – возил на своем игрушечном самосвале оторванные обои.

«Мы здесь когда-то жили веселою гурьбой»³

Ну а как отмечали все родней праздники – это отдельная тема.

³ Д. Сухарев «Звенигород»

ДЕТСКИЙ САД

Чем больше взрослеешь и умнееешь, тем сильнее ограничивают твою свободу. Вот и я в 1963 году был отправлен в детский сад. Соблазнили рассказами о куче игрушек и книг. Мама, уже наученная опытом Миши, не стала крутиться под окнами детсада, горя об отданном в чужие руки сыночке, вызывая бурную истерику чада, и быстро исчезла. Я постоял-постоял у окна, пытаюсь ее увидеть, и слегка обидевшись, под уговоры воспитательницы, пошел смотреть игрушки.

Игрушек и книжек действительно оказалось много. Но я еще не знал главного ужаса – это все на целый день, пока тебя не заберут после работы. Да еще этот распорядок дня с ненавистным тихим часом... И вот утром мама ведет меня в сад, мы переходим улицу Бабушкина, она оставляет меня у арки дома №42 и бежит на трамвай, чтобы не опоздать на работу. Хотел самостоятельности – получи. Я прохожу арку, в сквере кокаю пустые бутылки... иногда их так много, что я позволяю себе опаздывать на завтрак... вхожу в правую дверь детсада, поднимаюсь на второй этаж, преодолеваю раздевалку... сколько нервов мне испортили эти шнурки...

Вот он, мой детский сад №50, улица Бабушкина дом 42, корп. 3. И сейчас там детский сад.

И вот та арка, через которую я в него шел

И начинается... Завтрак, манная каша, гимнастика с музыкой, прогулка, обед с макаронами и котлетой. Вливание в рот ложки такого полезного, но такого противного рыбьего жира. Следом ненавистный тихий час, полдник, прогулка, и тебя уводят, наконец, домой. Ужин – опять суп и котлеты (и кто теперь мне сделает такие котлеты!), совсем чуточку времени на игры и книги (какие хочется!) или даже погулять как хочется. Если повезет – мультики или кино по телевизору... И все – спать... И так каждый день.

Но грех жаловаться на воспитательниц. Они нам скучать

не давали. Я не помню, какие игры они устраивали, зато отлично помню, как нам читали страшноватые былины, сказки, «Незнайку». А позже – свежую повесть «Шел по городу волшебник», по которой потом сняли не очень удачный фильм «Тайна железной двери». И «Цветик-семицветик», где глупая девочка так бездарно разбазарила кучу желаний. Темными вечерами показывали диафильмы: яркую немецкую сказку про пряничный домик, жутковатого «Робинзона Крузо» и смешного «Хоттабыча». Картинки с кривыми штангами ворот на футбольном матче – просто умо-ра. А в свободное время можно было развлечься. Например, стырить в кладовке металлический крючок от кровати сетки, чтобы использовать его как жесткую сцепку для буксировки игрушечных грузовиков. Точь-в-точь как у настоящих: часто виденная картина на улицах, как тащат неисправные автомобили, глубоко запала в мои творческие изыскания. Особенно впечатляла буксировка «методом частичной погрузки», когда грузовик передними колесами погружался в кузов другого.

На прогулках тоже хватало интересного. То разглядываешь горящие фары и подфарники ГАЗика, привозившего продукты, то машины, стоящие в очереди на заправку. Тогда они подъезжали к АЗС по Прямому переулку, еще с дореволюционной булыжной мостовой, со стороны Ивановской. Один раз даже видел, как водитель ел яблоко. Вид автомобилей, которые ездили куда-то там, навевал тоскливую тягу

Потом, в начале семидесятых, он захирел и его разобрали. Жалко-то как.

А еще были праздники. Майские и ноябрьские. И восьмое марта, когда мы мастерили мамам подарки. Одна такая открытка-аппликация до сих пор хранится в моем детсадовском альбоме. Или шкатулки из картонных коробочек из-под зубного порошка. Сперва их покрывали черной краской. Как она невыносимо долго сохла... А потом рисовали на ней ветку ландыша. Красота. Или устраивали праздник просто так. Решили быть гномиками – сделали колпаки из бумаги, раскрасили и приклеили кругляши типа помпонов.

Вон он я – сижу крайний справа. Серьезный такой. Рядом стоит Юрка Павлов, слева во втором ряду сидит Валерка Прусак и где-то за воспитательницей Мишка Пахомов. И наша чудесная воспитательница. Девушки шестидесятих, какие вы прекрасные.

Ну и, естественно, новый год. С елкой и Дедом Морозом. И я, стоя на стульчике, читаю ему какое-то стихотворение. Хотя я и стеснялся выступать перед публикой, но в этот день я был во всей своей актерской красе. Какой был успех!

Вот такие мы были новогодние зайчики. Я в первом ряду справа с красным бантом в белый горошек.

Детский сад – это и первые мои друзья. Валерка Прусак, сын тети Маши, работавшей вместе с моей мамой на «Обуховской ветке», но об этом будет позже, двойняшки Юрка и Сашка Павловы, с которыми я учился в школе до 8-го класса, и Мишка Пахомов, с которым я сидел за одной партой. Мишка, однажды даже выдвинувший мою кандидатуру на старосту класса. Мишка, так хотевший славы, ставший полярником и сгоревший на пожаре в 43 года.

Самое страшное в тогдашней детсадовской жизни – это летняя дача. На все лето нас отвозили за Зеленогорск, в Осетрово. И каждый день опять этот режим: подъем, завтрак, обед, тихий час, полдник (ну, с этим еще можно примириться: вкусняшки – это правильно), ужин, отбой. И целое лето терпеть отрыв от моих игрушек и книг, отсутствие путешествий и полное лишение свободы. Как мне это не нравилось. И как я обижался на твердое желание родителей отправить меня на эту дачу. Теперь-то я их понимаю. Однажды я совершил попытку сделать по-своему. Перед отъездом нужно было пройти медосмотр. Мама, торопясь на работу, так сильно тянула меня туда, а я так сильно упирался, что, в конце концов, я грохнулся прямо на крыльце нашего дома и ободрал коленку. Всю. Целиком. И врач, вообразив, что это может быть заразная экзема, отправил нас в кожный диспансер. Это был шанс. Но там меня раскусили как симулянта, и таки пришлось ехать на дачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.